

Пензенская Правда
г. Пенза

31 ЯНВ 1988

Жизнь театра похожа на течение большой реки. То она ровно и тихо подчиняется рельефу местности, то удивляет внезапным разливом вод и их строптиво-бурным характером.

Наталья Крымова.

В последнее воскресенье января областной драматический театр устраивает бенефис в честь старейшего своего актера Александра Петровича Краснова. 70 лет. 40 из них на сцене.

Когда разговор заходит о театре, я в первую очередь думаю об актерах, о тех людях, которые, по выражению Бернарда Шоу, есть слабый пол человечества. Их мир полон противоречий, они тщеславны, капризны, как дети, нуждаются в похвалах и поощрениях: они торопятся успеть сказать свое сокровенное, вовремя получить роль, на которую через несколько лет уже не будут иметь даже надежды. Желание успеть сделать что-то значительное в театре равносильно жажде, которую практически невозможно утолить.

Актер — человек зависимый. Он инструмент, он исполнитель режиссерской воли, заставляющей актера превращаться в ту мелодию, которая необхо-

дима данному спектаклю. А чтобы актер имел возможность искать, пробовать, надеяться и превращаться, театр должен делать деньги: играть по три раза в день придурковатых королей, Бабу Ягу, Зайца, Паука, Волка... Если отбросить красивые слова об искусстве для детей, то останется просто самопожертвование — на

это идут, как правило, не звезды, а актеры без титулов и званий, которых, слава богу, еще достаточно в театре. К таким относится и наш юбиляр А. П. Краснов.

Вот почему, когда Александр Петрович в положенный срок ушел на пенсию, театр очень скоро ощутил, что ему не хватает Краснова. Что-то нарушилось в повседневной жизни театра, климат стал не тот. И театр попросил актера вернуться.

Не понимаю слова «игра». Играют в карты или на бегах... Я не играю, я живу.

Фаина Раневская.

В войну двадцатипятилетний раненый Краснов оказался в госпитале родного города, в Пензе. Его сосед по койке неплохо играл на аккордеоне. Едва начав подниматься с коек (один на костылях, другой с рукой на перевязи), они дали концерт в своей палате. Потом — в соседней. Потом — по всему госпиталу.

Вдохновляло то, что раненые, которые минуто назад стонали, скрипели зубами от нестерпимой боли, начинали смеяться сквозь слезы.

— Спасибо тебе, Краснов, — сказал начальник госпиталя, выписывая подлечившегося в Действующую армию. — Большую помощь оказал ты нам... Вон сколько «безнадежных» задвигалось, загутарило, запело — пошло, значит, на поправку. Словно моторчик какой живой ты в них вставлял... На сцену тебе, Саша. Редкий дар у тебя — в остывшей душе оттепель делать...

И, окончив войну, он пришел в театр с таким

настроенным на «оттепель» сердцем. Еще не все осмысливая, не во всем разбираясь, вооруженный одной лишь интуицией, горячим темпераментом и совестью, против которой никогда и ничего не умел делать.

Из сотни ролей на пензенской сцене, прожитых Красновым, назову лишь те, которые видел

сам, которые легли на душу, запомнились.

Яростный Бунчук из «Тихого Дона», старорежимный Басов в «Дне приезда — дне отъезда», хитроватый шукинский председатель в «Характерах», многострадальный Ихменев в «Униженных и оскорбленных», тяжелый самодур Редозубов в «Варварах», старый товарищ Забродина в «Ленинградском проспекте» и, как страшный хриплый вопль истерзанной войной земли, мужик из пантелеевского «Пакета».

Сам актер никогда не делит свои роли в театре на главные и второстепенные. Все они пропущены Красновым через «собст-

венные почки». Интуиция, чувство ритма, внутренний слух, улавливающий всякую фальшь; способность делать безжалостные выводы из своих неудач и казнить себя ими — все это провело его по театральному и жизненному пути через разные школы, моды, течения, режиссеров к «жизни человеческого духа». В дударевском «Вечере» — одной из последних крупных работ Александра Петровича, очень личностной для актера, для его собственной судьбы и возраста, — видели мы этот высокий дух.

Его заметило большое кино. Заметило надломленного слепотой, скользящей его движения. Он не поддается недугу. Только самый близкий человек — Мария Семеновна, жена знает, как он учит на слух свои роли, как выматывает себя бесконечными физическими упражнениями, чтобы выглядеть на сцене «многовольтным».

Фильм «Очерки бursы» с его участием получил 11 почетных наград. Теперь актеру приходится сниматься в двух фильмах одновременно, играть старого шкипера в исторической ленте и кулака в многосерийном фильме «Хлеб — имя существительное». ...Старый актер, сбрасывая с уставших глаз на

ладонь специальные увеличительные линзы, шутит:

— На съемках режиссер, не зная об этих стеклышках, стал ставить меня в пример молодым: «Смотрите! Смотрите, каким дьявольским блеском горят глаза у старика, не то что у вас!..» И смех и грех...

Вспомнилось, как двенадцать лет назад я принес в театр свою первую пьесу «Главный разговор — завтра».

О пьесе тогда много писали, спорили, она была удостоена 3-й премии Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу о молодежи. Театр поставил ее смело и честно. Успех постановки во многом обеспечил Александр Петрович, сыгравший в спектакле одну из главных ролей — Старого учителя, которого предостаточно гнули и ломали в годы застоя, а он, несмотря ни на что, остается верным своей однажды выбранной жизненной линии. Таковым я воспринимаю и самого Краснова.

Расставаясь, спрашиваю, счастлив ли он?

Актер вскидывает на меня слепые гомеровские глаза! — Я до сих пор в театре. Разве же это не счастье?!

В. СИДОРЕНКО,
драматург.

ТЕАТР

АКТЕР

Бенефис